

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

«ПРОЩАНИЕ — СКОРБНОЕ СЛОВО» (*Прощание* — жанр, концепт, речевой акт?)

Э.Р. Лассан

Кафедра русской филологии
Филологический факультет
Вильнюсский Университет
ул. Университето 7, Вильнюс, Литва, LT-01122

В статье автор рассматривает концепт «прощание», представляя аппарат исследования, отличающийся от применяемого в последнее десятилетие в российской лингвистике, где он укрепился, по мнению автора, под влиянием Воронежской лингвистической школы. Автор соотносит концепт с фреймом, с одной стороны, и концепт с речевыми жанрами, с другой. Рассматриваются три «вида» прощания — прощание с человеком, прощание с местом, прощание со временем — являющиеся, по мнению автора, модификациями концепта «прощание», в некоторой степени обусловленными временем создания текстов с именем концепта в заглавии. Сам концепт можно отнести, в терминологии М. Фуко, к концептам прерывности, означающим пороги, трансформации — в данном случае трансформации личности.

Ключевые слова: концепт, фрейм, первичный и вторичный речевой жанр, модификации концепта.

1. ВВЕДЕНИЕ

Огромное число работ, посвященных различным понятиям, чья роль признается существенной для русской культуры, дает некоторые основания думать, что эта ветвь исследований, причисляемых к когнитивной лингвистике, в целом оказывается исчерпанной. Высказанная мысль базируется и на том обстоятельстве, что инструмент представления этих понятий (концептов) может вызвать сомнение в пути, по которому пошла русистика-когнитивистика. Тем не менее, автор в этой статье решает обратиться к одному из ключевых, на его взгляд, понятий культуры не только русской, но и мировой — к концепту «прощание». В заглавии статьи вынесена строка из стихотворения Н. Заболоцкого «На смерть Кирова» — при всей политизированности контекста стихотворения строка, как мне представляется, прекрасно передает коннотативную нагрузку имени обозначаемого понятия.

Обращение к этому концепту, видимо, не случайное наитие — сама атмосфера времени, изображаемого в современных текстах в достаточно апокалиптичес-

ских тонах, вызывает мысль о прощании — будь то прощание с молодостью, с надеждами на безмятежное существование, с установившимися мировоззренческими и научными представлениями, в конечном счете — прощание с самой жизнью, ставшей столь хрупкой в современном мире.

Слово *прощание* и его иноязычные эквиваленты (имеющие, очевидно, разную степень коннотативной «скорбности» в разных языках) являются некими универсальными культурными знаками повторяющихся в человеческой жизни явлений — если судить, напр., по данным английской Википедии, то эти слова входят в дискурс культуры на разных языках, маркируя в нем значимые события человеческой жизни: A Farewell to Arms (Хемингуэй); “Farewells” — a 1958 film directed by Wojciech Has; “A Farewell”, a prose poem by Patti Smith from her book “Woolgathering”, “Farewell” (poem), by the famous poet Pablo Neruda¹.

По данным той же Wikipedia, можно предположить, что западная культура чаще использует это слово для названия музыкальных произведений: в прошлом — симфоний, вальсов, в настоящем — альбомов, песен и т.п. [1], то есть явлений культуры, обращенных к эмоциональным структурам психики. В русской же культуре это слово используется в большей мере для называния вербальных или креолизованных текстов, связанных, в первую очередь, со «значащим переживанием» [2] названной словом ситуации, когда происходит одновременно ее осмысление и эмоциональное «прочувствование». Это — «Прощание с Матерой» (В. Распутин), «Прощание издалека» (А. Максимов) «Прощание славянки» (не только марш В.И. Агапкина, кстати, и на слова А. Галича (!), но и книга Валерии Новодворской), «Прощание в июне» (А. Вампилов и одноименный фильм, снятый в 2003 г.), «Прощание с иллюзиями» (Вл. Познер), «Солженицын. Прощание с мифом (А. Островский, книга), «Прощание с бумагой» (А. Гришковец — спектакль посвящен тому, как уходит из нашей жизни культура бумаги — книги, газеты и. п.), «Прощание с книгой» (лекция известного социолога Б. Дубина), многочисленные стихотворения (напр., Ю. Шапиро «Прощание с надеждой») и публицистические статьи с названием «Прощание с надеждой» [напр., http://www.gazeta.ru/2004/09/06/oa_132486.shtml].

Следуя в русле работ российской когнитивистики, можно задаться вопросом о специфике русского *прощания*² — этот вопрос, скорее, относится к сфере этнолингвистики. В предлагаемой статье автор предпочитает обратиться к лингвокультурологическому аспекту русского «прощания» — выяснить модификацию понятия в культурных контекстах применительно к бегу времени.

¹ *Farewell From Wikipedia*, the free encyclopedia. <http://en.wikipedia.org/wiki/Farewell>.

² Очевидно, русское *прощание* обладает драматизмом, которого, возможно, нет в иноязычных эквивалентах. Так, литовское *atsisveikinimas* имеет тот же корень, что и *sveikinti* — *поздравлять, приветствовать* — и потому уже вызывает иные коннотации. На немецких сайтах очень часто встречаются целые интернет-страницы, содержащие размышления о месте прощания в человеческой жизни: при этом прощание нередко осознается как ценность, дающая возможность осознать значимость времени, как переход на новый этап существования, закат, после которого следует неизбежно новая заря (Jeder Abschied ist ein Sonnenuntergang, auf den unweigerlich die Morgenröte wartet). Английское *Farewell* содержит в своем составе *well*, что сразу должно возбуждать некоторую позитивную коннотацию данного пожелания или имени соответствующего понятия.

Автор берет на себя смелость не согласиться с некоторыми общими местами российской когнитивистики в варианте Воронежской школы и предложить «прощальный» взгляд на способы описания концептов. Прощальный по той причине, что разницей в содержании терминов, отсутствие надежд на нахождение единого языка в концептологии, отождествление семантического и когнитивного аппарата в исследованиях языка и текста лишают когнитивные исследования в таком виде их эвристической ценности. Нельзя не согласиться с Н.Н. Болдыревым в том, что «модность» когнитивного направления вызывает к жизни работы, имеющие мало общего с теоретико-методологическими установками когнитивной науки [3. С. 18].

Слова, сказанные около 10 лет назад, остаются актуальными и поныне — число подобных работ увеличивается с каждым годом, а соотношение между лексическим значением, многозначностью, концептом и фреймом остается все столь же размытым, что вызывает желание возвратиться к использованию понятия «понятие», отказавшись от столь многострадального термина «концепт».

2. ЕЩЕ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ЕДИНИЦ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Попытаюсь проиллюстрировать сказанное выше на одном из примеров. В российской лингвистике существуют работы, в которых затрагивается концепт «прощание» [4; 5]. Делается это с точки зрения анализа речевого поведения в ситуациях, означаемых этим словом: «В семантике существительного *прощание* («момент расставания; слова приветствия в этот момент») концепт ПРОЩАНИЕ мыслится как ситуация, занимающая определенный временной отрезок и допускающая комплекс приветствий конкретизирующего вида» [4].

Приведенная цитата сразу заставляет задуматься о соотношении семантики слова и концепта, который «мыслится в этой семантике». Авторы приведенной цитаты рассматривают концепт «прощание» как составляющую единой концептосферы «встреча — приветствие — расставание — прощание», анализируя лексико-фразеологические поля, паремии, речевые клише, используемые в обозначенных этими словами ситуациях. При этом если у *встречи* и *расставания* выделяется несколько **прототипов** (видимо, описываемых словом типичных ситуаций), то в *прощании* выделяется один, и сам концепт анализируется как составляющий антонимическое единство с концептом «приветствие».

Трудно согласиться с тем, что концепт, содержание которого составляет ситуация, «допускающая комплекс приветствий», входит в антонимическую связь с концептом «приветствие». Чтобы избежать подобных парадоксальных формулировок, видимо, приходится пересмотреть терминологию описания декларируемой концептосферы «ВСТРЕЧА, ПРИВЕТСТВИЕ, ПРОЩАНИЕ, РАССТАВАНИЕ».

Согласно авторам цитируемой работы, эти концепты «являются взаимосвязанными, интегрированными структурами. Их единство доказывается с опорой на онтологические данные и на данные репрезентирующих их языковых средств. Онтологическая связь названных концептов видится в их соотношении с единой полиситуацией, которая возникает из смены хронологически следующих друг

за другом ситуаций. При этом «концепт РАССТАВАНИЕ, являясь логическим „продолжением“ концепта „прощание“, антонимически соотносится с концептом „встреча“» [4].

Позволю себе не согласиться с тем, что расставание всегда продолжает прощение — продолжает, но только в том случае, если прощение мыслится как ситуация этикетного действия, совершаемого перед тем, как субъекты перестанут «соприсутствовать» в одном пространстве. Однако существует ситуация, когда прощение отсутствует, а расставание имеет место: Сухоруков о Балабанове: «*Меня мучает, что мы расстались, не попрощавшись*» [(http://7days.ru/) / «*Расстаться не попрощавшись, — Так больно...*» (Ю. Балак) / «*Так они и расстались, не попрощавшись*» [http://kr.ua].

Несогласие с авторами статьи в этом пункте — только частный аспект несогласия с подходом к анализу концептов, существенных для картины мира, отраженной в том или ином языке. На мой взгляд, теоретический аппарат, используемый в российской лингвистике, с одной стороны, чрезвычайно перегружен как привлечением терминологии семантического анализа (напр., «дифференциальные семантические признаки концепта»), так и аппарата когнитивной лингвистики («прототип концепта», «фрейм-схема», «фрейм — многокомпонентный концепт», лексический фрейм, терминальный фрейм, концептуальный фрейм, фрейм — лексический концепт и т.п.).

Думается, что в российской лингвистике не только не наступило время четкого разграничения терминов семантики и когнитивной науки — напротив, «лезвие Оккама» сработало противоположным образом: число неясных сущностей умножилось. Вместе с тем произошло и искажение первоначального содержания терминов когнитивистики, пришедших в научный обиход из ее американских истоков (так, толкуя содержание термина «фрейм», некоторые ученые ссылаются на американских предшественников, опирающихся при описании фрейма на «концепт» [7], очевидно, упуская из вида, что в англоязычной лингвистике термин «концепт» значит примерно то же, что в русской гуманитарной науке значит термин «понятие»).

Такой подход¹, отделяет российскую лингвистику как от истоков когнитивной лингвистики, так и от блистательных описаний А. Вежбицкой, предлагающей понимание концепта как объекта из мира «идеальное», имеющего имя и отражающего культурно-обусловленное представление человека о мире [6. С. 23]. Отсюда А. Вежбицкая исходит из однозначного соответствия между словом и его «референтом» в мире «идеальное». Одно слово — один концепт.

В предыдущем предложении мы взяли в кавычки слово *референт* в силу того, что референт существует в логических теориях в реальном мире. Помещая референт в «возможный мир» психических представлений, мы, думается, становимся на почву когнитивистики в рамках одного из ее основных постулатов — **не язык является миром-посредником (Zwischenwelt) между сознанием и дей-**

¹ Автор просит прощения за невольно активизируемый в связи с описанной ситуацией фрейм «гарики И. Губермана»: «Идея, брошенная в массы, что девка, брошенная в полк».

ствительностью, а сознание, сформированное индивидуально-коллективным социальным опытом и усвоенными текстами, есть посредник между миром предметов и языком. И доступ к особенностям этого сознания мы открываем через язык.

Как же в таком случае быть с этнолингвистикой, столь популярной сегодня и опирающейся на гипотезу Сэпира-Уорфа?

Думается, сказанное не противоречит и этой гипотезе, поскольку сознание формируется через посредство текстов (а не слов), усваиваемых на национальном языке — отсюда весь набор представлений, связанных с зафиксированным в словах и их контекстуальных окружениях национально-культурным опытом.

Возвратимся к вопросу о способах описания *прощания*. Здесь возникает вопрос: стоит ли вообще объединять в рамках «единого концепта» **1)** речевой акт, или, как принято считать в современной российской лингвистике, — **речевой жанр** прощания, имеющий определенный набор фраз, свою лексическую специфику в разных языках (*до свидания, adieu, au revoir, ave, bon voyage, congé (also congee), good-bye*)¹, равно как и невербальные особенности коммуникативного поведения [7; 8], и **2)** понятие прощания как психологического состояния (значащего переживания), имя которого имеет определенные коннотации и дает название уже **литературным** жанрам, рождая соответствующие ожидания у читателя текстов с названием «Прощание» (напр., “A Valediction Forbidding Mourning” (Джон Донн) — «Прощание, возбраняющее скорбь»). Ожидания эти чаще всего связаны с характером содержания: оно не будет развлекательным, оно должно вызвать эмоциональную реакцию, как правило, грусти, и контрагенты прощания (здесь обязательно должно быть не менее двух участников ситуации) перестанут «соприсутствовать» в одном пространстве или времени (что в большинстве случаев одно и то же, но [10]).

Думается, было бы уместным поставить вопрос об определенных связях между когнитивными феноменами и речевыми высказываниями — первичными и вторичными жанрами: в данном случае — о речевом и риторическом (литературном) жанре прощания.

На мой взгляд, **фрейм прощания** как ментальная сущность, представляющая структурированное по слотам/терминалам знание о соответствующей коммуникативной ситуации, реализуясь на уровне высказываний, соотносится с речевым жанром, а **концепт прощания** становится основой порождения вторичных (литературных) жанров. Я бы позволила в данном случае провести различие между фреймом и концептом (не объединяя их в одну структуру, как это принято в российской лингвистике [10. С. 73]), подобное различию между **знанием утилитарного характера** (цивилизация) и **знанием о духовных сущностях**².

---

¹ Иноязычные эквиваленты приводятся по Вебстеровскому словарю. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/farewel>.

² Может быть, было бы уместным, хотя и достаточно пафосным, сказать, что фрейм — форма хранения знаний о феноменах цивилизации, концепт — о феноменах культуры (при этом цивилизация и культура понимаются автором в смысле, близком немецкой философии: под цивилизацией понимается внешняя сторона жизни личности и общества, а под культурой — духовная суть, духовный потенциал).

Еще одним моментом, который может быть использован в процессе исследования названного материала, является следующий: различие лексической (словарной) и фреймовой семантики и разница описания семантического представления в каждом из этих направлений. Имея характер ментальных репрезентаций опыта, фрейм в то же время рассматривается Ч. Филлмором как **инструмент описания языка** — фреймовая семантика в значительно большей степени позволяет объяснить понимание текста, нежели лексическая семантика, поскольку раскрывает стоящее за словом содержание через гораздо большее число признаков, отражающих богатство зафиксированного словом опыта.

Фрейм покрывается определенной вербальной сетью (полем), при этом связь между членами поля гораздо более свободная, чем между членами лексико-семантического поля, так как она основывается не на наличии общих семантических признаков, а на фрагментах опыта, который переживается весьма индивидуально. Таким образом, **фрейм и лексическое значение** объединяются тем, что имеют одновременно и ментальную и языковую природу, и различаются характером соотношения с действительностью: значение — с классами предметов и событий, фрейм — с ситуациями опыта. **Фрейм и концепт** объединяются по своей ментальной природе, но концепт не имеет языковой природы: это только ментальная репрезентация, которую возможно эксплицировать на языковом уровне (через посредство операций лингвистического характера) и которая требует определенного языка описания.

3. РУССКОЕ ПРОЩАНИЕ: ФРЕЙМОВАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Предметом рассмотрения в этой статье является концепт «прощание», репрезентируемый через раскрывающие и развивающие его тексты, обилие которых и позволяет говорить о наличии некоторого жанра, с одной стороны, и о значимости соответствующего понятия для культуры, с другой.

Автор пытается реконструировать содержание этого концепта, опираясь на методы лексической семантики в ее денотативном варианте и привлекая фреймовую семантику, то есть описывая сферу опыта, зафиксированную в слове *прощание*. Выше мы приводили многочисленные названия русских текстов культуры XX—XXI в., имеющие в своем названии имя *прощание*.

Что же век XIX? **Жуковский: «Прощание старика»:** *«Прости, мятежное души моей волнение, / Прости, палящий огонь цветущих жизни лет, / Прости, безумное за славою стремление! / Для вас в моей душе ни слез, ни вздоха нет!»*; **Пушкин: «Прощание»:** *«Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас, уж ты для своего поэта / могильным сумраком одета, / и для тебя твой друг угас. / Прими же, дальняя подруга, / прощанье сердца моего...»*; **Лермонтов: «Прощание»:** *«Не уезжай, лезгинец молодой»*; **Некрасов: «Прощание»:** *«Мы разошлись на полпути, / Мы разлучились до разлуки / И думали: не будет муки / В последнем роковом „прости“, / Но даже плакать нету силы. / Пиши — прошу я одного... / Мне эти письма будут милы / И святы, как цветы с могилы, / — С могилы сердца моего!»*

Охарактеризуем схематически ситуации, представленные в приведенных текстах: 1) описывается ситуация с участием двух актантов, при этом второй актант выражен конкретным существительным — это или одушевленный адресат речевого действия, характерного при расставании (Пушкин, Лермонтов, Некрасов), или этап жизни, представленный метонимическим образом (Жуковский); 2) ситуация включает описание вербализованного психологического переживания, связанного с тем, что второй актант перестает существовать в личной сфере первого; 3) представление говорящего о последующем состоянии души, связанном с былыми воспоминаниями, или предвосхищение будущей печали (напр.: «*Ужели для меня сей день, когда / Так ярко солнце, хочешь навсегда / Ты мрачным сделать днем?*») (Лермонтов).

Стимулом к появлению текстов, обозначенных словом *прощание*, здесь является потеря любимого человека или уход молодости.

Видимо, нужно сказать, что стихотворение Жуковского, отличающееся от стихотворений других названных авторов тем, что прощание связано не с исходом одушевленного адресата из пространства говорящего, а переходом в иное возрастное состояние, является вольным переводом стихотворения французского поэта аббата Гийома де Шолье (1639—1720) — Жуковский «как бы примеряет на себя чувства, отраженные в мировой лирике, пытаюсь через „чужое“ осознать до конца „свое“» [цит. по: 11].

Мы сочли этот момент достойным упоминания, поскольку, анализируя описываемые в стихотворениях ситуации, можно предположить, что русский XIX в. понимал прощание как ситуацию, когда **X перестает быть в одном пространстве с Y и обозначает этот момент соответствующим переживанием. При этом Y — одушевленный объект, и причиной переживаемого чувства становится потеря любви.** Изменение ментальных установок и типов поведения, с которыми субъект «расстается», еще не рассматривается в терминах прощания в собственно русской поэзии. Это «*прощание*» придет позже.

Обратимся к словарным толкованиям *прощания*, чтобы установить, насколько они соответствуют описанным выше ситуациям: **Ожегов:** 1. см. *проститься* (1. с кем. Обменяться приветствиями при расставании; приветствовать, уходя, расставаясь). 2. Момент расставания; слова приветствия в этот момент. Пожелания при прощании. Последнее п. (с умершим).; словарь **Ефремовой:** 1) а) обмен напутствиями, пожеланиями перед расставанием. б) последнее свидание перед разлукой. 2) а) расставание с чем-л. б) расставание с покойным перед погребением.

Как видим, прощание трактуется

1) как *ритуализованное словесно-жестовое действие* перед моментом, когда субъекты перестают быть в одном пространстве (особый тип речевого акта, в терминах жанроведения — особый речевой жанр). В этом случае *прощание* чаще выступает в выражении *сказать на прощание*: «*на прощание он сказал: не прощаюсь*» [galya.ru/Клубъ/show.php...]. Синонимической заменой этого слова в предложении может быть глагол *попрощаться*: «*Они торопливо попрощались, и через десяток минут Вера вместе с Андреем Щербаковым торопливо шагала вслед за повозкой*». (В. Першанин). Обычно в таких случаях не используется формула

прощай, трактуемая как знак расставания навсегда. Интересно, что при этом *прощании* заполняется валентность места — *попрощаться на вокзале, прощание на перроне и т.п.* Сказанное относится к дефиниции, представленной в словаре Ожегова как первое значение слова *прощание*;

2) как *момент расставания*. Словарь Ефремовой как вариант употребления первого значения приводит дефиницию «б) Последнее свидание перед разлукой». Дефиниция второго словарного значения, имеющего синоним *расставание*, не содержит указания на эмоциональную составляющую описываемой ситуации, поэтому трудно объяснить, как возникают тексты, исполненные эмоционального напряжения с названием «Прощание».

Однако если прибегнуть к использованию фреймовой семантики, то можно сказать, что усвоенный опыт таких ситуаций создает в сознании носителей их возможную модель, фрейм, где в числе **терминалов** — *субъекты, пространство, срок, разъединение*. Заполнение терминала *субъекты* может повлечь и новый терминал: *эмоции субъектов прощания*.

Фреймовое представление *прощания* может объяснить эмоциональное наполнение текстов «прощания» и ожидания читателя при их восприятии («*На перроне торопливое прощание, бледные, заплаканные жены благословляют офицеров*» (Н. Губин), особенно если действие прощания на уровне языковых выражений конкретизировано обстоятельствами места, называющими, как правило, конвенционально закрепленные места расставания: вокзал, перрон, остановка, аэропорт, причал (напр., Скворцов: «Прощание у причала»; Г. Багдасаров «Прощание в аэропорту»; Т. Буланова. Песня «Прощание на перроне»). Включаемый во фрейм прощания слот «срок, на который расстаются субъекты» может привлечь дополнительные слоты (невершинные терминалы) — «срок имеет временные пределы», «срок не ограничен во времени», то есть перед нами «прощание навсегда». В последнем случае уместно произнесение слова *прощай*, в других случаях оно выглядит пугающим в силу представления о неотвратимой «*невстрече*».

Если ситуация описывается глагольной лексикой, то при краткосрочном прощании чаще используется *попрощаться*, при долгосрочном — *проститься*: ср. «*Возле дома Ильи Бородавки они попрощались, и Гошка один пошел домой*» и «*В Москве простились с легендарной актрисой Татьяной Самойловой*» [<http://www.1tv.ru/news/culture/258157>].

Отметим, что глагол *попрощаться* неуместен в описываемой ситуации. Думается, что опора на лексические значения, представленные словарями, не может объяснить описанных нюансов употребления слова *прощание* и его глагольных коррелятов. Если бы описания строились с использованием денотативного анализа ситуаций и представлялись на языке сценариев А. Вежицкой и близком к нему языку описанию значений Ю.Д. Апресяна, они отражали бы в гораздо большей степени аспекты описываемых словом ситуаций. В сущности, язык сценариев А. Вежицкой и МСШ и есть представление фрейма ситуации. Тем не менее, позволю высказать мысль, что заполнение слотов (терминалов) фрейма, не столь детально представленное в «семантике сценариев», позволяет включить в опи-

сание ситуации большее число элементов и вербализующих их средств, поскольку слот «цепляется» за слот. Фреймовая семантика, опирающаяся не на жесткие законы формального сочленения составляющих сем, а на более развернутую и гибкую структуру знаний, варьирующуюся в зависимости от приобретенного опыта человека, включает знания и о человеческих эмоциях, и о других возможных особенностях поведения в такой момент, напр., дарение подарков при прощании: см. в Рунете огромное число текстиков с названием «Подарок на прощание».

4. РУССКОЕ ПРОЩАНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

И здесь мы вновь обращаемся к вопросу о концептуальном содержании имени *прощание*, поскольку существование целого ряда текстов культуры с одним названием позволяет говорить как о наличии целого жанра — вторичного, в терминах М.М. Бахтина (сразу оговоримся: этот вопрос в статье не рассматривается), так и об общих признаках содержания слова, которые, соотнося слово с разными референтными ситуациями, тем не менее, вызывают у читателя близкие ожидания относительно содержательного и эмоционального наполнения воспринимаемых текстов.

Для продолжения разговора об экспликации концепта «прощание» обозначим соотношение между фреймом и концептом в нашем понимании: они соотносятся так, как в психологии У. Джеймса соотносятся перцепты (чувственный опыт) и концепты (интеллектуальная деятельность) [12]. Фреймы, отражая чувственный опыт в сознании и становясь основой для представления семантики слова на языковом уровне, замещаются на более высокой степени абстракции данными интеллектуального порядка — концептами: У. Джеймс, анализируя философию чистого рационализма и философию эмпиризма, приходит к их согласованию: концепты являются как бы экстрактом, вытяжкой из элементов чувственного опыта перцептов и имеют своим важнейшим назначением снова срастаться с перцептами, возвращая наш ум в сферу чувственного мира [12. <http://uchebnikfree.com/filosofiyu-vvedenie/vvedenie-filosofiyu-rassel-problemyi-filosofii.html>].

Таким образом, концепт вырастает из фреймов как проявление интеллектуальной деятельности, как рефлексия над действительностью, однако эта рефлексия сохраняет память чувственного опыта (эмоции, оценки, ассоциации и т.п.). Если соотнести эти понятия с понятиями первичных и вторичных жанров, то можно сказать, что в основе первичного жанра прощания лежит фрейм. Так, Рунет отправляет нас к огромному числу советов, как попрощаться с любимым при расставании, с коллегами или любимой учительницей. В основе же риторически преобразованных высказываний (литературных жанров) лежит концепт.

В данной работе, как и в более ранних [13], мы исходим из трехчастной структуры концепта, и все части при его экспликации описываются на одном языке сценариев: а) значение слова (фрейм ситуации); б) рефлексия носителя культуры над ситуацией, отраженной этим значением; в) осмысление поведенческих и ментальных установок носителя культуры, рефлексирующего описанным образом. В некоторой степени подобный трехчастный анализ коррелирует со структурой

концепта и методом его описания, предложенным Ю.С. Степановым: активные признаки концепта, реализуемые в общении субъектов на данном языке (= лексическое значение); пассивные признаки концепта, исследуемые историей, этнологией и отражающие влияние исторических форм общественной жизни на мышление как на его сознательные, так и бессознательные элементы (=размышление носителя культуры над соответствующей ситуацией); социальная сторона концепта, то есть выявление способов «мышления, деятельности и чувствования», которые находятся вне индивида и наделены принудительной силой (= характеристика внешних причин, обусловивших соответствующие установки носителей языка и культуры [14. С. 42—45].

Говоря о русском прощании, нельзя не отметить необыкновенную широту концептуализации событий в его терминах: *прощание с яслями (!), прощание с детским садом, прощание с азбукой, прощание с надеждой, прощание с горами, прощание с книгой*, при этом сам процесс прощания может не восприниматься как печальный: *праздник прощания с букварем* [<http://shig-sosh4.ru/obychenie/metod-kopilka/42-sczenarnyj-otdel/245-sczenarij-prazdnika-qproshhanie-s-bukvaryomq.html>], *праздник прощания с осенью в начальной школе* [<http://izberbash11.dagschool.com>], *праздник прощания с начальной школой* [<http://www.prodlenka.org/stcenarii-na-poslednii-zvonok-i-vypusknoi-vecher/prazdnik-proshchaniia-s-nachalnoi-shkoloi-torzhestvennaia-chast.html>]: *Светло и нарядно сейчас в нашем классе, / И пышные всюду букеты стоят. Сегодня мы праздник веселый встречаем, / И каждый событию этому рад!* Ни один из эпитетов, приводимых в электронном словаре эпитетов [<http://epithet.slovaronline.com/п/399>] *proschanie* [<http://epithet.slovaronline.com/п/399-proschanie>] — *горестное, горькое, грустное, долгое, короткое, мучительное, невеселое, нежное, памятное, печальное, последнее, торжественное, тягостное, тяжелое, тяжкое* — не может вступить в синтагматические связи со словом «праздник прощания», очевидно, потому, что праздник прощания означает окончание некоей ступени жизни и переход на новую ступень, не связанную в сознании с печальными ассоциациями. Здесь мы имеем примерно то, что в немецком дискурсе несет выражение *Abschied, die Tür zur Zukunft* (Прощание — дверь в будущее). Интересно, что на немецких интернет-порталах существуют целые страницы с цитатами о прощании [http://www.gedichte-garten.de/artman/art/beitrag_211.shtml], принадлежащие собственно немецким авторам: напр. «Прощание есть собственно содержание жизни» или «Прощание есть маленькая смерть, переживаемая человеком с самого рождения» [http://www.zitate-portal.com/ergebnisliste_css.php?g_begriff=ABSCHIED].

В русском дискурсе, возможно, нет такой рефлексии над прощанием как этапом жизненного цикла, неизменным атрибутом жизни — здесь речь идет скорее о разлуке как житейской неизбежности («две верных подруги — любовь и разлука — не ходят одна без другой»).

Возможно, большая рационалистичность немецкой культуры и побуждает делать предметом размышления эту составляющую жизни, в то время как эмоциональность русской культуры концентрирует внимание ее носителей на длитель-

ном переживании, в большей степени связанном с разлукой как неизбежной формой жизни, сложившейся исторически [15]. Русская культура не столько осмысляет прощание как важный этап человеческой жизни, без которой невозможен новый, сколько фиксирует посредством этого понятия жизненную перемену. Само слово, конечно, должно вызывать эмоцию печали [«Прощание — скорбное слово» (Заболоцкий)], однако характер печали может быть светлым, если переход на новую ступень не связан с отрицательным представлением о будущем. Вместе с тем даже прощание «с яслями» не может не окрашиваться некоторым переживанием родителей тех, кто прощается с ранним детством своих детей, — детские песенки о прощании с детским садом, с букварем содержат слова, означающие эмоции некоторой грусти или имплицитно это представление: *«Очень жалко расставаться, / Покидать любимый дом. / Дом, где весело встречаться / В нашем городе родном»* («Прощание с детским садом» — Маша Блохина).

ПРОЩАНИЕ в этом случае описывает ситуацию, когда **X перестает быть в одном пространстве с Y (или предчувствует этот момент) и испытывает чувство, похожее на то, когда из жизни уходит что-то хорошее**. Возможно, поэтому «Farewell to arms» Э. Хемингуэя переведено на русский язык не выражением *«Прощание с оружием»* (здесь сквозила бы грусть от переживаемой ситуации), а глагольным предложением *«Прощай, оружие»*, где глагол не нагружен коннотациями печали.

В рамках данной статьи мы намечаем возможности описания концептуального содержания слова *прощание* и его модификацию применительно к временному контексту — как покажет нижеследующее описание, в русских текстах встречается «три вида» *прощания*: прощание с человеком, прощание с местом, прощание со временем.

Следует сказать, что «первое» *прощание* характерно для русской культуры всего прослеженного нами временного промежутка начиная с XIX в., причем в этом веке практически не встречается других *прощаний* — возможно, культурная мысль еще не до конца овладела степенью абстракции, позволяющей рассматривать отношения человека с «неживой» действительностью в терминах отношения человека с человеком. Второе *прощание* — с местом — характерно для названий текстов XX в., причем в большей степени, для социалистического периода русской культуры (А. Найман: «Прощание с Ленинградом»; М. Анчаров: «Прощание с Москвой»; Песня стройотрядов: «Прощание с целиной»; Н. Добронравов: «Прощание с Братском»; В. Высоцкий: «Прощание с горами» и т.д. И, наконец, третье *прощание* — со временем — явление конца прошлого века.

Итак: **ПРОЩАНИЕ 1:**

А) **лексическое значение.** X и Y одушевленные объекты (пресуппозиция значения); X понимает, что Y перестает быть с ним в одном пространстве; X испытывает что-то плохое: *Мы разошлись на полпути, / мы разлучились до разлуки / и думали: не будет муки в последнем роковом «прости» / Но даже плакать нету силы* (Некрасов).

Б) рефлексия носителя культуры над ситуацией, отраженной этим значением: X испытывает что-то плохое, потому что думает, что без Y ему будет плохо:

Но сразу после прощания / Молюсь о встрече с тобою, / Молюсь о встрече с тобою (песня «После прощания», сл. Л. Воронцовой);

В) характер ментальных установок X-а: X обычно сам не хочет прощания; он поступает так, потому что не чувствует, что нужен другому и думает, что не может ничего изменить: *Я не хочу с тобой прощаться, И я прошу: не уходи, Но ты уйдешь...* (П. Степанова-Рома).

Именно с таким содержанием использует русский дискурс культуры это слово на протяжении двух веков — адресатом и участником ситуации прощания является одушевленный субъект, принимающий прощание как неподвластную ему мучительную ситуацию, после которой он предвидит нежелательное для него изменение положения. Прощание предстает как эмоциональное переживание, связанное с уходом/потерей близкого человека. Эмоционально нагруженным является и возможное в данных случаях произнесенное слово *прощай*: «*Прощай, дорогая, прощай... Тебя никогда не забуду*» (И. Оринов). Возможно, драматичность русского *прощай* и *прощания* связана как раз с тем, что встреча, в силу разделяющих расстояний, представляется весьма отдаленной, а ожидание от судьбы неприятностей побуждает запоминать и цитировать фразу из стихотворения Б. Кочеткова: «*И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг*».

ПРОЩАНИЕ 2:

А) **лексическое значение.** Y — неодушевленный объект, обозначение места (пресуппозиция значения). X перестает быть в пространстве Y. X обычно чувствует что-то, что похоже на расставание с человеком. *Я в таежном смолистом краю / Встретил лучшую песню свою. / До сих пор я тебя, мой палаточный Братск / Самой первой любовью люблю* («Прощание с Братском». Н. Добронравов).

Б) когда человек прощается с местом, он понимает, что это место значимо в его судьбе, оно связано с фрагментом его жизни, или X хочет вновь вернуться в Y; X понимает, что он не всегда может вернуться в Y: *Люблю тебя, мой Ленинград. И нечего себя обманывать, что проживу я без тебя. К тебе приехать не смогу по старости своей. И только мысленно приехать на свидание возможно* (С. Гусева. «Прощание с Ленинградом»).

В) X расстается с Y не потому, что хочет этого, а потому, что по разным причинам должен: В. Высоцкий: «Прощание с горами»: *Но спускаемся мы (кто — на год, кто — совсем), Потому что всегда, потому что всегда мы должны возвращаться*; М. Гулько: «Прощание с Родиной»: *Так прощайте, полковник, до свиданья, корнет! Я же в званье поручика встречу этот рассвет. Шапки вынем мы наголо на последний наш бой. Эх, земля моя русская, я прощаюсь с тобой*.

Минорность русского *прощания* с местом, возможно, связана с историческими формами российской и советской жизни, ограничивающей свободу выбора и передвижения. «*Когда я вернусь... А когда я вернусь?*» — нам всем понятно, почему А. Галич задается этим вопросом.

В рамках такого дискурса прощания возможно употребление глагола *прощай* с эмоциональной нагрузкой: *Прощай, Родина, прощайте, скалистые горы* т.п. Обращение это похоже на обращение к одушевленному субъекту и произносится в момент прерывания связи с пространством, из которого уходит X. Глагол не окрашен столь сильной эмоцией, как в первом «прощании»: *прощай, люби-*

мая — поскольку не предполагается ответ «контрагента» прощания, и расставание с ним может происходить по доброй воле X-а, если X оказался в Y не по своей воле: «Прощай, тюрьма Бутырка». Нужно отметить, что использование существительного *прощание* в этом случае придало бы ситуации драматический характер: *прощание с Бутыркой*.

ПРОЩАНИЕ 3:

Назовем его *ПРОЩАНИЕМ С ЭПОХОЙ*. «Борис Ельцин. Прощание с эпохой», «Прощание с книгой», «Прощание с иллюзиями», «Прощание с надеждой», «Прощание с социализмом»¹ — это очень небольшая часть текстовых названий, которыми наполнен современный дискурс и которых практически не знал дискурс эпохи социализма. В отличие от предыдущих «прощаний» здесь X расстается не с человеком и не с пространством — он расстается со временем, будь то время определенного уклада жизни, ментальных установок, представлений об устройстве жизни и т.д. Это расставание растянуто во времени, человек постепенно осознает или предчувствует ждущие его изменения, он рефлексивирует над ними и, скорее всего, принимает их с трудом, поскольку изменение духа времени означает нарушение его самоидентификации. Здесь *прощание* — это, говоря словами М. Фуко [17. С. 7], — концепт прерывности, порог, означающий, что за ним начинается новый способ видения предмета. Возможно, мы весьма вольно трактуем идеи Фуко, но по повторяющимся «сериям» дискурсов **прощания со временем** мы можем воссоздать смену идей времени, его «лицо». Так, наше время предстает как время прощания с книжной культурой, как время разочарования в надежде на осуществление того, что зовется «свободой».

С другой стороны, «прощание» — это всегда концепт прерывности, потому что означаемая и переживаемая ситуация в русском дискурсе осмысливается как заканчивающийся счастливый период жизни.

Как же описать концептуальное содержание **прощания 3**?

А) X (одушевленный субъект — пресуппозиция) понимает, что он не будет жить так, как раньше. X чувствует что-то, что чувствуют при изменении места, где X жил раньше;

Б) X чаще думает, что это плохо, чем хорошо, потому что ему придется менять свой образ жизни;

В) X осуществляет философскую рефлексивную рефлексию над переживаемой ситуацией. Частота подобных *прощаний* означает, что X живет в нестабильном мире: *Как резко все меняется кругом, а жизнь танцует злые пируэты* (А. Сафо).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы выделили в русском дискурсе три «прощания» — **прощание с человеком, прощание с пространством, прощание со временем** — реализуемого в текстах с соответствующими названиями. Перед нами один концепт, модифи-

---

¹ Мы бы отнесли сюда и «Прощание с Матерой» В. Распутина — уход из места, где прошла жизнь, означает одновременно прощание с прошлым образом жизни, с тем, что было дорого... Это прощание — переходное между *прощанием 2* и *прощанием 3*.

цируемый применительно ко времени. Эти модификации рожают соприсутствующие и вместе с тем сменяющие друг друга во времени соответствующие жанры прощания. Константной частью концепта «прощание», создающегося на основе чувственного опыта, проникнутого переживанием, является то, что X осознает, что не будет больше в одном пространстве или времени с Y и от этого чувствует что-то плохое. Русский X долгое время жил в стране огромных пространств и ограниченной свободы выбора. Поэтому он не думает, что может бороться с тем, что мешает ему быть вместе с Y. Возможно, отсюда русское *прощание* звучит столь драматично:

В России расстанутся навсегда.
В России друг от друга города столь далеки,
что вздрагиваю я, шепнув «прощай».
Рукой своей касаюсь невзначай ее руки.
Длиною в жизнь любая из дорог.
Скажите, что такое русский бог?
«Конечно, я приеду». Не приеду никогда.
В России расстанутся навсегда.
(Борис Рыжий)

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М., 2001.
- [2] *Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. № 1. С. 18—35.
- [3] *Шемарова В.А.* Концептосфера «Встреча/приветствие — прощание/расставание» в русском языке (Системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты): Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
- [4] *Шемарова В.А., Гайсина Р.М.* ВСТРЕЧА, ПРИВЕТСТВИЕ, ПРОЩАНИЕ, РАССТАВАНИЕ // Антология концептов. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. URL: <http://uchebilka.ru/kultura/5517/index.html?page=4>.
- [5] *Вежибицкая А.* Лексикография и концептуальный анализ. М.: Языки русской культуры, 2001.
- [6] *Семухина Е.А.* Концепт 'грех' в национальных языковых картинах мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
- [7] *Дорфман И.Г.* Невербальные компоненты этикетного речевого жанра приветствия/прощания (на материале русской художественной прозы XIX—XX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 86—94.
- [8] *Рабенко Т.Г., Черепанова Е.А.* Жанры приветствия и прощания в речи студентов // Вестник Кемеровского университета. 2008. № 2. С. 174—179.
- [9] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2001.
- [10] *Янушкевич А.* и др. Примечания к тестам стихотворений // Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/zhukovsky/texts/zh0/zh1/zh1-419>.
- [11] *Джеймс У.* Введение в философию; *Рассел Б.* Проблемы философии. М.: Республика, 2000.
- [12] *Лассан Э.* «Надежда»: семантический и концептуальный анализ // *Respectus Philologicus*. 2002. № 2. С. 28—47.

- [13] Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40—76.
- [14] Лассан Э. «Разлука» как ключевой концепт русской культуры // Лассан Э.. Лингвокультурология. Очерк русской концептологии. Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 2008. С. 66—82.
- [15] Фуко Мишель. Археология знания. Киев: НИКА-ЦЕНТР, 1996.

FAREWELL — A SORROWFUL WORD (FAREWELL — A GENRE, A CONCEPT, A SPEECH ACT?)

E.R. Lissan

Russian Philology Department
Faculty of Philology
Universiteto str., 7, Vilnius, Lithuania LT-01122

In the article the author focuses on the concept of “farewell” and provides the procedure for its investigation different from the one having been applied in the recent decade in Russian linguistics, where the entrenchment of the latter has been affected by the influence of the school of Voronezh, as the author assumes. The author compares the concept with the frame, on the one hand, and the concept with the speech genres, on the other hand. The three “types” of farewell are being considered — a farewell to a man, a farewell to a place, a farewell to the epoch — all of them are being regarded as the modifications of the concept of “farewell”, having been conditioned to some extent by the period of time the texts had been produced in, with the concept incorporated into their headlines. The concept itself, in Foucault’s terminology, may be assigned to the concepts of discontinuity, assuming thresholds, transformations — in one case this is the transformation of a personality.

Key words: concept, frame, the primary and the secondary speech genre, concept modification.

REFERENCES

- [1] Bogin N.I. Obretnenije sposobnosti ponimat’: Vvedenije v filologiceskiju germenevtiku. Moskva, 2001.
- [2] Boldyrew N.N. Konceptualnoje prostranstvo kognityvnoj lingvistiki. *Voprosy kognityvnoj Lingvistiki*. Tambov: Izd-vo TGU, 2004. S. 18—35.
- [3] Shemarova V.A. Konceptosfera “Vstrecha/privetstvije — proscanije/rasstavanije” v russkom jazyke (Sistemno-strukturnyj i funkcionalno-kognityvnyj aspekty): Diss. kand. filol. nauk. Ufa, 2004.
- [4] Shemarova V.A., Gaisina R.M. VSTRECHA, PRIVETSTVIJE, PROSCHANIJE, RASSTAVANIJE. *Antologija konceptov*. T. 2. Volgograd: Paradigma, 2005.
- [5] Werzbicka. A. Leksikografja I konceptualnj analiz. M.: Jazyki russkoj kultury, 2001.
- [6] Semuchina E.A. Koncept “Grech” v nacionalnych jazykovych kartinach mira. Avt. diss. na soiskanije uchonoj stepeni kandidata nauk. Saratov, 2008.
- [7] Dorfman I.G. Neverbalnyje komponenty etiketnogo recevogo zanra privetstvija/proscanija. *Izvestija vysshich ucebnyh zavedenij. Povolzskij region. Gumanitarnyje nauki*. 2013. № 4 (28). S. 86—94.

- [8] *Rabenko T.G., Cherepanova E.A.* Zanry privetstvija v rechi studentov. *Vestnik Kemerovskogo Universiteta*. 2008. № 2. S. 174—179.
- [9] *Popova Z.D., Sternin I.A.* Oчерki po kognityvnoj lingvistike. Voronez: izd-vo Voronezskogo Universiteta, 2001.
- [10] *Januskevic A. i dr.* Primehanija k tekstam stichotvorenij. Fundamentalnaja elektronnaja biblioteka. URL: <http://feb-web.ru/feb/zhukovsky/texts/zh0/zh1/zh1-419>.
- [11] *James W.* Vvedenije v filosofiju; *Rassel B.* Problemy filosofiji. M.: Respublika, 2000.
- [12] *Lassan E.* “Nadezda”: semanticeskij i konceptualnyj analiz. *Respectus Philologicus*. 2002. № 2. S. 28—47.
- [13] *Stepanov Ju.S.* Koncept // *Stepanov Ju.S.* Konstanty: Slovar’ russkoj kultury. Opyt issledovanija. M.: Shkola “Jazyki russkoj kultury”, 1997. S. 40—76.
- [14] *Lassan E.* “Razluka” kak klucevoj concept russkoj kultury // *Lasan E.* Lingvokulturologija. Oчерk russkoj kncceptologii. Vilnius: Vilniusskij Pedagogiceskij Universitet, 2008. S. 66—82.
- [15] Foucault Michel. Archeologija znanija. Kijev: NICA-CENTR, 2008.